

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОШЛОГО

РОМАН

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬКО

18+

Елена Неделько

Человек из прошлого

<https://litres.ru/74453814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что похоронила его. Оказалось — он просто прятался с миллиардами в чемодане.

У Марины была идеальная размеренная жизнь: стабильная работа, квартира, график на холодильнике и кот. Всё шло по плану ровно до того момента, пока на светофоре не затормозил вишневый кабриолет.

За рулем — Егор. Мужчина, который двенадцать лет назад исчез из её жизни, оставив только записку.

Теперь у него дорогой костюм, опасный взгляд и враги, которые хотят его убить. Он умоляет Марину спрятать его в старом доме посреди глухого леса. Всего на пару недель. А может и на всю жизнь.

Сможет ли она простить предательство двенадцатилетней давности, когда поймет, ради чего он на самом деле вернулся?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Неделько

Человек из прошлого

Глава 1

Вторник. Классический петербургский ноябрь: сверху противная морось, снизу пузырятся лужи и валит мокрый снег, а между ними застряла моя «Тойота». До конца рабочего дня еще четыре часа, до квартального отчета — три таблицы и одна чашка остывшего кофе, который я по ошибке попросила сварить на кокосовом вместо обезжиренного. Мой внутренний перфекционист рыдал в голос где-то в области солнечного сплетения.

Я методично отстукивала пальцами по рулю ритм песни, которую ненавидела всей душой — ее крутили у нас из каждого утюга. Раз-и-два-и. Дебиторская задолженность перед поставщиком рыбы. Три-и-четыре-и. Планограмма выкладки макарон в магазине на Гражданке. Моя жизнь давно превратилась в таблицу Excel, раскрашенную цветными стикерами. Безопасно. Предсказуемо. Смертельно скучно.

Справа остановился вишневый кабриолет.

В Питере увидеть открытый верх в такой день — это либо диагноз, либо съемка кино. Я мельком мазнула взглядом по водителю, просто чтобы зафиксировать нарушение здравого

смысла. И замерла.

Пальцы перестали отбивать. Легкие забыли, как нужно дышать.

За рулем сидел призрак. Тот самый, которого я похоронила двенадцать лет назад под слоем институтских конспектов, первого брака и ипотеки. Егор. Постаревший ровно на эти самые двенадцать лет, но узнаваемый до тошноты. Дорогие очки-авиаторы сдвинуты на лоб, на подбородке свежий белесый шрам, о котором он мне никогда не рассказывал, потому что тогда его еще не было. На нем под пальто виднеется рубашка цвета слоновой кости, которая стоит больше моего ежемесячного платежа за машину. Он выглядел так, словно глянцево-журнальные создавались лично из-за него.

Он повернул голову. И наши взгляды встретились через пелену дождя и две полосы чадающего городского транспорта.

Мир сузился до прямоугольника автомобильного стекла. В груди стало горячо, а потом ледяно. Двенадцать лет. Переезд, два повышения, один развод, пятьдесят килограммов съеденного от стресса мороженого. А меня все еще прошивает током от одного взгляда этого человека.

Его губы дрогнули в той самой кривой, мальчишеской ухмылке, которая когда-то заставляла меня пропускать первую пару. Он чуть наклонил голову вбок, к плечу, и показал глазами вниз, а потом сделал характерный жест рукой: припаркуйся. Давай поговорим.

Инстинкт самосохранения, натренированный годами кор-

поративной службы, ударил по тормозам.

Вариант А: сделать вид, что не узнала. Опустить стекло, рывкнуть про слепую зону и нажать на газ.

Вариант Б: заблокировать двери, набрать 112 и сообщить о подозрительном человеке, похожем на фото в списке журнала Forbes.

Моя рука сама потянулась к кнопке стеклоподъемника. Пальцы казались чужими, деревянными. Стекло поползло вниз с тихим механическим жужжанием, впуская в салон шум города и запах его дорогого парфюма — терпкого, с нотами чего-то морского и опасного.

— Марина Сергеевна, собственной персоной, — сказал он. Голос тоже изменился. Стал ниже, оброс бархатной хрипотцой, но интонация осталась прежней — ленивая уверенность человека, которому никто ни разу в жизни не прислал гневное письмо на почту от начальника. — Старший менеджер по закупкам сети «Гастроном-Гурман». Звучит устрашающе. Почти как министр продовольствия.

— Что тебе нужно, Егор? — спросила я. Голос прозвучал на удивление ровно. Спасибо десяти годам общения с недовольными поставщиками замороженных полуфабрикатов.

Дождь усилился, барабания по тканевой крыше его кабриолета. Загорелся желтый. Поток машин сзади недовольно загудел.

— Кофе, — ответил он, даже не моргнув. — Здесь есть какая-нибудь дышащая на ладан кофейня, где варят прилич-

ную воронку? Или ты теперь пьешь только рафы на растительном молоке?

Это был удар ниже пояса. Только он знал, как я ненавидела всю эту новомодную пену, предпочитая во времена нашей юности горький эспрессо из пластиковых стаканчиков.

— Отвали, — отрезала я, чувствуя, как предательски краснеют уши. — У меня отчет. Если хочешь поговорить — записывайся через мою приемную.

Я уже тянулась к кнопке, чтобы поднять стекло, отсесть этот морок и вернуться к дебиторской задолженности за рыбу. Это была идеальная стратегия выхода. Стереть улыбку с лица, исчезнуть, снова надеть броню.

— Те долги закрыли, Мариш, — вдруг тихо сказал он, перегнувшись через коробку передач. Его ладонь легла на мой край окна, пальцы оказались в сантиметрах от моих. — Но открыли новые. Очень серьезные люди считают, что я им должен гораздо больше, чем деньги. Мне нужно исчезнуть. Прямо сейчас. На полгода. Максимум на год.

Загорелся зеленый. Водитель сзади истерично нажал на клаксон. Егор даже не шелохнулся.

— У тебя ведь есть куда уехать? — продолжил он, глядя мне прямо в глаза. Взгляд у него был абсолютно трезвым и совершенно сумасшедшим. — Бабушкин дом в Карелии. Озеро, комары и печка, которую нужно уметь правильно разжигать. Ключи до сих пор под правым наличником?

Откуда он знает? Мы не виделись вечность. Я продала ту

дачу сразу после смерти бабушки, восемь лет назад. Продала дешево, лишь бы избавиться от воспоминаний о нашем последнем там лете. Покупателем оказался какой-то айтишник из Москвы.

— Ты следил за мной? — выдохнула я.

— Нет. Я просто тебя знаю, — он выпрямился и кивнул на мигающий светофор. — Через два квартала будет карман у двора. Припаркуйся. Дай мне десять минут. Если скажешь нет — я уеду. Больше ты меня не увидишь. Даю слово.

Слово Егора. Самая ненадежная валюта в мире. Именно на нее я купила билет в свой личный ад двенадцать лет назад.

Он поднял руку в прощальном жесте, готовясь включить передачу. Еще секунда, и он растворится в питерском трафике навсегда. Я смогу позвонить своей лучшей подруге Светке, выпить валерьянки, дописать отчет и вечером долго плакать в ванной, радуясь, что Шницель не умеет задавать вопросы.

Но я включила поворотник. Резко, зло, перерезая путь желтому такси.

Руки дрожали так сильно, что я едва попала ключом в замок зажигания, переставляя машину в тесный карман возле дешевой чебуречной. Выключила мотор. Положила руки на руль и уставилась на свои побелевшие костяшки.

Что я делаю? Я, Марина Орлова, человек-план, собираюсь пить кофе с беглецом. С человеком, чей статус «в розыске» буквально висит в воздухе над его дорогой машиной. Это

разрушит мою карьеру, если служба безопасности узнает, с кем я провела обеденный перерыв. Меня могут обвинить в пособничестве. Да черт возьми, меня могут просто убить заодно с ним!

Я посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Растрепанный пучок, усталые тени под глазами, офисный кардиган, наброшенный на плечи. Девочка, вырезавшая инициалы «М+Е» на яблоне в том самом поселке, умерла бы от стыда за эту серую мышь.

Дверца кабриолета хлопнула.

Я вышла под дождь. Вода мгновенно промочила тонкие балетки. Егор стоял, опершись спиной о багажник своего нелепого здесь автомобиля, и ждал. Он снял часы — массивные, платиновые — и небрежно бросил их на сиденье.

— Они слишком громко тикают, когда я нервничаю, — пояснил он, заметив мой взгляд.

Мы шли молча. Мимо Гостиного Двора, сворачивая в душные, пахнущие сыростью и жареным маслом дворы-колодцы. Он двигался бесшумно, оглядываясь по сторонам, сканируя арки профессиональным, цепким взглядом. Ни капли снобизма богатого мальчика. Так ходят люди, которые знают цену каждой секунде форы.

Кофейня нашлась в полуподвале. Маленькая, тесная, пропахша корицей. Никакой воронки. Только старая кофемашина, плюющаяся паром.

Мы взяли два бумажных стаканчика с обжигающим латте

и сели за единственный свободный столик в самом углу, подальше от окна.

Он пил кофе жадно, закрыв глаза, словно это был первый глоток воды за неделю. Капля молока упала на воротник его идеальной рубашки. Он стер ее пальцем и посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он просто. Без иронии. — Я действительно не ел со вчерашнего утра.

— Твой бизнес идет настолько плохо? — съязвила я, грея ладони о картонный бок стакана.

Уголок его губ дернулся.

— Мой бизнес идет отлично. Насколько отлично, что кое-кто решил его со мной разделить. Насильно. Марин, я не бандит. Я не торговал оружием и не отмывал деньги через офшоры. Я просто написал код, который вскрыл одну очень старую государственную систему распределения. Она оказалась... гуще, чем я думал. Я взял то, что считал своим по праву. Теперь они хотят забрать всё. Включая меня.

— Напиши заявление в полицию, — ляпнула я первое, что пришло в голову. — Обратись в ФСБ. Найми охрану.

Он коротко, безрадостно рассмеялся. Звук получился сухим, как треск ломающейся ветки.

— Марина, полиция — это первая инстанция, куда они пойдут. Охрана покупается. Единственный шанс выжить — стать невидимкой. Раствориться. Там, где нет хорошего интернета, терминалов бесконтактной оплаты и камер на каж-

дом шагу.

Он накрыл мою лежащую на столе руку своей. Ладонь была горячей и жесткой, испещренной мелкими мозолями — совсем не похожей на руки топ-менеджера. От его прикосновения по коже побежали мурашки.

— Мне нужна база, — тихо произнес он. — Тихое место, где можно пересидеть зиму. Где хозяйку никто не будет искать. Место, которое знаешь только ты.

Я медленно высвободила руку. Внутри всё заледенело, несмотря на горячий кофе.

— Дом продан, Егор. Восемь лет назад. Там теперь живет какой-то программист с женой и двумя детьми.

— Я знаю, — спокойно кивнул он. — Программиста зовут Антон, жену — Лиля. Я купил его вместе с домом месяц назад. Сказал, что строю закрытую базу отдыха. Они съехали, получили от меня достойную компенсацию и улетели на Баги. Ключи вернулись под правый наличник. Щеколду я смазал.

Воздух закончился.

Человек, который двенадцать лет назад оставил меня ради мифической работы в Москве, вернулся, чтобы спрятаться от настоящих убийц. И он купил мое прошлое. Просто пришел в магазин и приобрел кусок моей юности, как покупают загородный участок. Со всем инвентарем и невыплаканными слезами.

— Ты спятил, — прошептала я.

— Возможно, — легко согласился он. — Но крыша там пока не течет. Собирай вещи, Мариш. Самые необходимые. Оставь записку коту. Скажи своему начальнику, что уезжаешь практиковать осознанность в тайгу. У нас есть час, прежде чем те, кто сидит у меня на хвосте, поймут, что я соскочил с третьего транспортного кольца.

Он достал из внутреннего кармана куртки ключи. Старые, тяжелые, железные. На кольце болталась знакомая брелок-открывалка из ларька в переходе метро девяносто восьмого года.

Он положил их на липкий стол между нашими стаканчиками.

— Решай, — сказал он. — Прямо сейчас. Или мы едем туда, или я бросаю машину в залив и пытаюсь затеряться в толпе. Но тогда меня найдут быстрее. А с тобой... с тобой у меня хотя бы есть фора.

Я смотрела на эти ключи. На идеальный профиль мужчины, за которым завтра начнет охотиться половина страны. На свое отражение в темном стекле витрины — бледное, растерянное, перечеркнутое косыми струями дождя.

Моя безопасная, расчерченная стикерами жизнь стояла на паузе.

И впервые за десять лет кнопка «Продолжить» находилась не в моем ежедневнике.

Я протянула руку, взяла холодные железные ключи и крепко сжала их в кулаке. Металл больно врезался в кожу.

— Надеюсь, оно того стоит, — сказала я, поднимаясь из-за стола и доставая из сумки кошелек, чтобы оставить за кофе. — И надеюсь, они оставили нам хороший погреб. Потому что зимовать без соленых огурцов я отказываюсь.

Глава 2

Питер остался позади вместе с моим последним нервным импульсом, отвечающим за инстинкт самосохранения. Мы выехали на трассу в сторону Мурманска. За окном начало стремительно темнеть — северные ночи подбираются незаметно, как хищники.

Егор вел машину молча. Его руки уверенно лежали на руле, плечи были расслаблены, но я видела, как каменеет его шея каждый раз, когда в зеркале заднего вида дольше положенного задерживался чужой свет фар. Он больше не был мальчиком из кофейни. Сейчас это был волк, который петляет по лесу, чуя погоню. Я же сидела рядом, сложив руки на коленях, и чувствовала себя контрабандой. Человеческим приложением к старому бабушкиному дому.

— Расскажи мне про Шницеля, — вдруг нарушил тишину Егор, переключая передачу. Мотор низко, утробно рыкнул.

Я вздрогнула. Из всех возможных тем он выбрал самую безопасную и оттого самую болезненную.

— А что про него рассказывать? Кот. Подобрала три года назад у помойки возле офиса. Толстый, наглый, рыжий. Назвала так, потому что нашла его в коробке из-под венских сосисок. Думала, побудет неделю, пока ищу ему хозяев, а потом как-то... прижился. Когда я передвинула диван, чтобы

пропылесосить под ним, он смотрел на меня трое суток с верхней полки шкафа взглядом прокурора.

Егор тихо засмеялся. Смех растворился в гуле шин.

— Значит, проблем с адаптацией у него не будет. В Лоухи лучшая мышинная популяция во всей Республике Карелия. Организуем ему стартап.

Мы остановились заправиться где-то под Петрозаводском. Пока Егор возился с пистолетом, я зашла в кругло-суточный магазин. Пахло хлоркой, дешевым пластиком и выпечкой. Мой внутренний менеджер по закупкам очнулся от комы и начал судорожно сканировать полки.

Мозг начал работать категориями «выживание». Он выдавал: «Марина, сахара нет по акции», «Йогурты без холодильника протянут до утра», «Где твой чертов список покупок?!».

В итоге я сгрузила на кассу десять бутылок воды, упаковку гречки, картошку, хлеб, консервы, свечи, спички и самый большой шоколадный батончик, какой только нашла. На кассе стояла женщина в цветастом халате и долго отсчитывала мелочь. У меня началась тихая паническая атака. Мы теряем время. Каждая лишняя секунда здесь — это минус секунда для Егора.

Когда я вышла наружу, сжимая пакеты, он уже ждал у машины. Подошел вплотную, забрал у меня покупки одной рукой — даже не поморщился под весом — и втолкнул на пассажирское сиденье.

— Орлова, ты издеваешься? — прошипел он, садясь за руль. — Десять литров воды? Мы едем к озеру, Марина! Там вода падает прямо с неба и течет из-под земли!

— Она не бутилированная, — огрызнулась я, пытаюсь застегнуть ремень безопасности трясущимися пальцами. — И там могут быть бактерии. И лягушки.

— Лягушки — это белки, — отрезал он. — Слушай меня внимательно. Твой перфекционизм сейчас убьет нас обоих. Если мы будем останавливаться каждые сто километров, потому что тебе приспичило купить антисептик для рук или что-то еще подобное, нас найдут еще до рассвета. Поняла?

Его голос ударил хлыстом. Не злой, но абсолютно стальной. Тот самый тон, которым отдают приказы об эвакуации при пожаре. Я кивнула, глотая слезы унижения. Мне тридцать четыре года, я управляю бюджетом в миллионы рублей, но меня только что поставили в угол за неправильный выбор тушенки.

— Прости, — буркнула я, отворачиваясь к окну.

Он вздохнул, заводя мотор. Теплая ладонь легла поверх моих стиснутых на коленях пальцев.

— Эй. Посмотри на меня.

Я повернула голову. В свете придорожного фонаря его лицо казалось вырезанным из камня.

— Ты делаешь всё правильно, — сказал он мягче. — Просто слишком громко. Этот мир, — он кивнул на пролетающие мимо рекламные щиты, — научил тебя бояться хаоса.

Но там, куда мы едем, хаос — это единственный закон. Расслабься. Доверься мне. Хотя бы один раз.

Хотя бы один раз. Двенадцать лет назад доверие закончилось запиской на тумбочке. Но сейчас выбора не было. Моя карта лояльности этого мира аннулирована. Я высвободила руку, поправила волосы и закрыла глаза, пытаюсь дышать в такт шуму ветра.

Дом возник из черноты внезапно. Навигатор сдался еще сорок минут назад, заставив нас свернуть на проселочную дорогу, которая скорее напоминала направление. Кабриолет пару раз жалобно скрежетнул днищем о корни. Фары выхватили из мрака почерневший от времени сруб, высокий фундамент и крыльцо, заросшее мхом.

Воздух здесь был другим. Плотным, хвойным, пахнущим мокрой землей и свободой. После стерильного аромата моего офисного кондиционера этот запах оглушал.

Егор заглушил мотор. Наступившая тишина показалась звенящей. Где-то вдали ухнула сова.

— Приехали, — выдохнул он.

Мы вышли в ночь. Холод тут же пробрался под мой тонкий кардиган. Настоящий, первобытный холод севера, а не климат-контроль бизнес-центра.

Пока Егор возился с навесным замком на сарае, доставая генератор, я поднялась на крыльцо. Старая доска предательски скрипнула под ногой — точно так же, как в день наше-

го приезда сюда после выпускного. Я замерла, ожидая лавины воспоминаний, но их не было. Только глухая пустота и странное чувство дежавю.

Щеколда действительно была смазана. Ключ вошел в замок мягко, без единого сопротивления. Замок щелкнул, и дверь тяжело, со скрипом старых петель, поддалась.

Изнутри пахло сыростью, пылью и сушеными травами. В сенях весели пучки зверобоя. Запах детства ударил под дых так сильно, что на секунду подкосились ноги.

Егор включил мощный светодиодный фонарь. Желтый луч резанул по темноте, выхватывая русскую печь, деревянный стол, накрытый старой клеенкой, и фотографии в рамках на стене.

— Света нет, интернета тоже, — деловито констатировал он, обходя дом. — Генератор даст нам часов шесть работы ноутбука, если экономить. Вода в колодце. Дрова... вон ту поленицу придется перебирать, она почти сгнила.

Он двигался по комнате хозяйственно, оценивая. Проверял задвижки на окнах, заглядывал в погреб. Это выглядело настолько естественно, словно последние двенадцать лет он не сидел на советах директоров, а строил дачи.

— Спать будем там, — он махнул фонарем в сторону широкой деревянной кровати, застеленной лоскутным одеялом, стоящей за печной перегородкой. — Там теплее всего.

— Я могу лечь на полу, — быстро сказала я. Делить с ним кровать, пусть даже огромную и деревенскую, было вы-

ше моих сил. Нервная система билась в истерике.

— Уж нет! Тогда на полу буду спать я, — отрезал он. — Не спорь. Это вопрос выживания. Завтра найдем матрасы.

Он вышел на улицу, оставив меня одну. Я подошла к печи. Провела рукой по шершавой побелке. Опустилась на корточки и открыла чугунную дверцу топки. Внутри зияла черная пустота.

Мне стало страшно. По-настоящему, до дрожи в коленках. Одно дело — сбежать из города на адреналине, спасая красивую сказку про второй шанс. Другое — остаться в глухом лесу наедине с мужчиной, который официально мертв для внешнего мира. Что, если те люди найдут нас? Что, если Егор не тот, за кого себя выдает? Что, если настоящий кошмар начнется именно здесь, в этой благословенной тишине?

Слезы наконец прорвались. Тихие, злые, бессильные. Они капали на джинсы, оставляя темные пятна. Я спрятала лицо в ладонях, стараясь не всхлипывать. Нельзя. Он услышит. Я должна быть сильной. Как тогда, когда собирала чемодан после его исчезновения, кусая губы в кровь, чтобы мама ничего не заметила.

— Здесь мыши есть? — мой голос прозвучал жалко и высоко.

Дверь снова открылась. Егор внес охапку дров, от которой пахло смолой и морозом. Остановился на пороге комнаты, глядя на меня сверху вниз.

— Есть, — спокойно ответил он. — Но они вежливые,

ходят по струнке. Поставь чайник. Тот, эмалированный, синий. Газовый баллон полный.

Он опустил дрова у печи и подошел ко мне. Присел на корточки, так что наши лица

оказались на одном уровне. Протянул руку и осторожно стер большим пальцем слезу с моей щеки.

— Мариш, — тихо сказал он. — Вздохни. Мы живы. Сегодня ночью никто не умрет. Ни ты, ни я, ни даже самые невоспитанные мыши. Разводи огонь. Огонь решает восемьдесят процентов проблем в деревянном доме. Остальные двадцать решим утром.

И он поднялся, отошел к столу и начал методично выкладывать из пакетов мою городскую добычу. Консервы выстроились в ровный ряд. Бутылки воды образовали колонну. Шоколадка легла ровно посередине стола, как памятник моему провальному шопингу.

Я смотрела на его широкую спину, на то, как закатаны рукава его дорогой рубашки, обнажая загорелые предплечья, и понимала, что попала.

Дело было не в опасности. Дело было в том, что за много лет жизни в бетонных коробках я забыла, как звучит настоящая тишина. Забыла, как пахнет живой мужчина, вернувшийся с улицы в тепло — кожей, лесом и дымом.

Забыла, каково это — чувствовать себя не функцией в системе, а просто женщиной. Напуганной, замерзшей, но почему-то отчаянно счастливой от того, что тяжелые шаги раз-

даются в соседней комнате.

Я встала, взяла синий эмалированный чайник и пошла к раковине набирать воду из ведра. Руки все еще дрожали, но теперь уже не от страха. От чего-то другого. От предвкушения. От начала новой главы, которую я никогда не осмелилась бы написать сама.

За окном окончательно сомкнулась карельская ночь. Впереди была долгая зима.

Глава 3

Будильника у меня нет. В моей прошлой жизни его функцию выполняло вибрирующее уведомление из корпоративного чата в 07:00, за которым следовал шквал писем с пометкой «СРОЧНО». Здесь моим будильником стал холод.

Он вползал под лоскутное одеяло тонкими, щупальцеподобными струйками прямо от бревенчатой стены. Я открыла глаза в абсолютной темноте. Ни фонарей за окном, ни подсветки выключателя. Только густой, осязаемый мрак и тишина, которая звенит в ушах после привыкшего к городскому шуму мозга.

Вспомнила слова Егора про четыре утра. Поднесла запястье к лицу — мои смарт-часы показывали мертвую черноту экрана. Разрядились за ночь, не найдя розетку для своей буржуазной сущности. Пришлось ориентироваться на внутренние часы, которые в условиях стресса всегда спешат лет на пять.

Я выбралась из-под одеяла. Воздух в комнате был ледяным. Натягивать обратно кардиган было бессмысленно — он остался греть Шницеля на диване. Из чистого городского упрямства я влезла в джинсы прямо поверх термолегинсов. Ткань стояла колом.

Дом спал. Слышно было только глубокое, ровное дыхание Егора из-за печной перегородки. Диван предательски скри-

пел всю ночь, но сейчас там царила тишина. Я на цыпочках прошла через комнату, боясь наступить на скрипучую половицу, которую мы вычислили еще вчера. Она ждала своего часа где-то возле стола.

Кочерга оказалась тяжелой, чугунной. Сунуть ее в пасть остывшей печи — это вам не нажимать кнопку включения кофемашины. Это требовало усилий. Я разворошила серые угли. Среди пепла тлели красные искры. Живые.

«Так, Марина, соберись. Ты закрывала сделки на поставку замороженных креветок на весь Северо-Запад. Ты сможешь договориться с тремя березовыми поленьями».

Бумага нашлась скомканная — вчерашние магазинные чеки. Дрова подсунул Егор, они были сухими, но массивными. Я сложила колодец, как видела когда-то давно по телевизору, сунула внутрь бумагу и чирнула спичками. Огонь схватился мгновенно, обиженно шипя на сыроватые края бумаги.

И тут началось самое страшное. Печь начала дымить. Не так, благородно в трубу, а нагло, прямо в лицо, заполняя комнату сизым едким туманом. Я закашлялась, слезы брызнули из глаз. Заслонка! Бабушка всегда говорила про какую-то заслонку. Я метнулась к трубе, обжигая пальцы о горячее железо, дернула тяжелое металлическое кольцо. Внутри что-то ухнуло, загудело, и тяга пошла. Дым рванул вверх, втягиваясь в черный зев дымохода с утробным ревом.

— Орлова, если ты решила устроить кремацию раньше времени, то хотя бы чайник поставь, — голос Егора прозвучал над самым ухом настолько неожиданно, что я подпрыгнула, ударившись локтем о край плиты.

Он стоял босиком на ледяных досках пола. В одних спортивных штанах, низко сидящих на бедрах. Сонный, со встрепанными волосами, на подбородке — забавная складка от подушки. От него пахло теплом и мужчиной, и этот запах совершенно не вязался с моими паническими попытками выжить. Он выглядел абсолютно счастливым.

— Чайник... да, — прохрипела я, откашливаясь от остатков дыма. Глаза все еще слезились, тушь наверняка превратилась в черные ручьи. Прекрасный вид руководителя отдела закупок. — Там эта... заслонка. Она сопротивляется корпоративному духу.

Егор тихо рассмеялся, подошел сзади и мягко забрал у меня кочергу. Его грудь коснулась моей спины сквозь тонкий хлопок футболки. Жар его тела пробил дрожь, совсем не связанную с утренним холодом.

— Дай сюда железяку, воительница, — сказал он, опускаясь на корточки рядом с топкой. — Ты перекрыла нижний поддув. Огню нужно дышать снизу, чтобы глотать дерево сверху. Базовая логистика.

Его руки уверенно, без малейшего страха перед пламенем, поправили горящие поленья. Огонь благодарно затрепещал, выбросив сноп золотистых искр.

— Логистика, значит, — повторила я, обхватывая себя руками, потому что стоять рядом с ним было физически горячо. — А чем ты занимался эти двенадцать лет? Судя по тому, как ты обращаешься с огнем и смотришь в зеркала, закупками гречки дело не ограничилось.

Он выпрямился, задвигая чугунную дверцу. Прислонился плечом к теплому кафелю печи и посмотрел на меня сверху вниз. Взгляд у него был серьезным, изучающим.

— Выживал, Мариш. Сначала просто бежал. Потом понял, что бег по кругу утомляет. Осел в одном портовом городе под другим именем. Работал механиком в доке. Варил швы на судах. Знаешь, сварочный аппарат очень похож на код — та же логика соединения несоединимого. Руки вспомнили быстрее, чем голова. Когда стало относительно безопасно, собрал немного денег, купил старый сервер, начал писать алгоритмы защиты данных. Для тех, кому есть что прятать. Платили криптовалютой. Так и накопил на вишневую игрушку и билет в твою жизнь.

Механик. Сварщик. Человек, который прячется лучше, чем дышит. Мой идеальный мужчина из прошлого оказался идеальным призраком. Каждая новая деталь делала его дальше от того мальчика, которого я знала, и ближе к какому-то опасному, незнакомому существу. Но почему-то именно это пугало меньше всего. Меня гораздо больше волновало то, что моя футболка слишком тонкая, а он стоит непозволи-

тельно близко.

— Криптовалюта, — я хмыкнула, пытаюсь вернуть себе ощущение почвы под ногами. — То есть налоговую ты тоже обманул?

— Налоговая — самый безопасный контрагент в мире, — усмехнулся он. — Они берут деньгами. Мои нынешние друзья предпочитают свинцовые аргументы. Кстати о контрагентах. У нас заканчивается вода. И свечи. Колодец почти пересох, надо идти к соседям, к бабе Зине. У нее самогон стратегического назначения и скважина.

Слово «соседи» резануло слух. Соседи — это люди. Люди задают вопросы. Люди замечают новые машины.

— Нас увидят, — прошептала я.

— Баба Зина видит только свою рассаду, — отмахнулся Егор. — Одевайся теплее. Пойдем знакомиться с местной администрацией. И захвати ту шоколадку из пакета. Местные администрации любят сладкое.

Дорога к соседнему участку напоминала полосу препятствий. Мы шли цепочкой: впереди Егор, раздвигающий ветки орешника, я — след в след, стараясь не угодить в скрытую первым снегом грязь. Утренний лес пах прелыми листьями. Солнце только-только начало прорезаться сквозь сосны бледным, болезненным пятном.

Дом бабы Зины выглядел как пряничный домик из сказки братьев Гримм — покосившийся, ярко-голубой, с кружев-

ными наличниками, которые явно пережили революцию.

Калитку нам открыло нечто среднее между Цербером и валенком — огромный лохматый пес неопределенного цвета, который вместо лая издал утробный рык и сел, перегорев проход.

— Царь, фу, окаянный, свои! — прогремел откуда-то из глубины сада трубный бас.

На крыльцо вышла монументальная женщина в фланелевом халате поверх ватных штанов. На голове у нее возвышалась конструкция из платка, способная выдержать прямое попадание метеорита. В одной руке она держала лейку, в другой — папиросу «Беломорканал».

Она прищурилась, переводя взгляд с Егора на меня.

— Никак городские? — прокуренный бас никак не вязался с ее цветастым видом. — Машинка-то внизу чужая стоит. Вишневая. Прямо как у председателя колхоза в восьмидесятых, только чище.

Мое сердце пропустило удар. Сейчас начнется допрос. Проверка документов. Вызов участкового.

Егор сделал шаг вперед, широко улыбаясь той самой обезоруживающей улыбкой, которой, наверное, можно останавливать поезда.

— Здравствуйте, уважаемая. Я Алексей. А это Мария. Мы родственники дальней вашей землячки, Анны Петровны. Помните такую? Дом купили вот, приводим в порядок. Ре-

шили зайти представиться по-соседски. Продуктовую корзину собрать не успели, извиняйте, дикари городские.

Ложь лилась из него плавно, красиво, с правильными деревенскими интонациями. Анна Петровна была какой-то мифической троюродной теткой, которую бабушка вспоминала раз в пятилетку. Идеальное прикрытие.

Баба Зина вынула папиросу изо рта, выпустила клуб сизого дыма и оглядела нас заново. Ее взгляд задержался на моих руках. Маникюр. Ногти короткие, но кожа ухоженная. Затем перевела взгляд на тяжелые ботинки Егора.

— Родственники, значит, — протянула она, опираясь на забор. — А чего зимой приехали? Представляться?

— Работа, мать, — развел руками Егор. Лицо его выражало вселенскую скорбь офисного планктона. — План-графики, дедлайны. Вот вырвались душу продышать. Да и печь там... капризная. Чуть дом не спалили с непривычки.

При слове «печь» суровое лицо бабы Зины дрогнуло и смягчилось. Профессиональная солидарность истопников победила бдительность чекиста.

— Охламоны, — беззлобно констатировала она. — Кто ж вас учил сразу поддувало запечатывать? Ладно, заходите. Лёша, тащи ведра. Вода хорошая, ключевая, не то что ваша городская хлорка. А ты, пигалица, иди в сенях подожди, нечего грязь носить, я полы утром мыла.

Меня называли пигалицей. Впервые за десять лет. Я послушно разулась в сенях, чувствуя себя школьницей.

Мы пробыли у бабы Зины сорок минут. За это время я узнала всё о ее внуке-программисте («тоже мозголом, сидит в своем ящике»), курсе сахара в местном сельпо и методах борьбы с фитофторой. Егор помогал ей таскать воду, колол дрова одним ударом тяжелого колуна (я отвернулась, залюбовавшись игрой мышц на спине) и слушал внимательно, вставляя правильные сочувствующие вздохи.

Когда мы уходили, нагрузившись двадцатилитровой канистрой воды, банкой прошлогоднего меда и связкой сушеных грибов, она вдруг придержала Егора за рукав.

— Скажи-ка мне, милоч, — прищурилась она. — А машина твоя часом не паленая? Уж больно гладкий ты для родственника Анны Петровны. Та была ведьма еще та.

Я замерла, готовясь бежать к лесу. Егор не изменился в лице. Он посмотрел старухе прямо в глаза.

— Святая вы женщина, — сказал он тихо и честно. — Ничего не бойтесь. Машина чистая. А прошлое... оно осталось в прошлом. Мы здесь просто хотим перезимовать. Тихо.

Баба Зина долго смотрела на него, потом медленно перекрестила его широким, размашистым жестом.

— Ну, храни тебя Господь, тихий человек, — пробасила она. — И девку свою береги. У ней глаза большие, городской тоской изъеденные. Ей тут полезно будет.

Обратно мы шли молча. Канистра оттягивала руку, ноги гудели. Когда голубой дом скрылся за поворотом, Егор внезапно остановился посреди тропы. Положил ладони мне на

плечи.

— Как ты? — спросил он серьезно. — Испугалась?

Я подняла на него глаза. Солнце наконец прорвалось сквозь кроны, осветив его лицо. На носу у него была россыпь веснушек. Раньше их не было. Или я просто забыла?

— Я испугалась, когда поняла, что местная пенсионерка раскусила твой фейс-контроль быстрее, чем служба безопасности, — выдохнула я. — Егор, кто ты такой? Настоящий. Не тот сварщик и не тот менеджер. Тот, чьи отпечатки нигде не числятся.

Он убрал одну руку с моего плеча и провел ладонью по моей щеке. Прикосновение было легким, почти невесомым, но колени снова стали ватными.

— Я человек, который впервые за двенадцать лет проснулся сегодня утром и почувствовал себя дома, — ответил он, глядя мне прямо в глаза. — Всё остальное, Мариш, — это просто инвентаризационные номера на коробках. Важно лишь то, что внутри. А внутри я чертовски хочу чая. И кажется, наша гостья оставила нам мед. Будем портить кипяток сахаром, пока нас никто не убивает.

Он взял меня за руку, переплел наши пальцы и потянул дальше по тропинке, прочь от большой земли, в нашу добровольную изоляцию. И сжимая его горячую, надежную ладонь, я думала только об одном: баба Зина права. Моя городская тоска отступает перед запахом дыма и тяжестью чужой руки в моей. Кажется, мой внутренний график безопасности

дал критический сбой.

Глава 4

День тянется в деревне, как загустевший мед. Здесь нет часов с девяти до шести, есть только положение солнца и урчание желудка.

После визита к бабе Зине мы вернулись в дом, который теперь пах не нежилой сыростью, а домом: жареной картошкой с луком, заваренным чаем и мужчиной. Этот мужской запах — смесь разогретой кожи, табака (Егор нашел на чердаке старую жестяную коробку с «Беломором» и одну папиросу торжественно выкурил у крыльца) и чего-то дикого, лесного — въедался в мои легкие намертво. Я пыталась сопротивляться ему, но тело сдалось еще утром, когда он колот дрова.

— Интернет здесь ловит только если залезть на сосну во время грозы, предварительно обмотавшись медной проволокой, — сообщил Егор, методично протирая влажной тряпкой пыльные подоконники. Он закатал рукава рубашки, и я старалась не смотреть на его предплечья. Это мешало думать о стратегии выживания. — Значит, связь с внешним миром через рацию. Мой канал чист, нас никто не пеленговал, но светить лишний раз эфир нельзя. Будем выходить в него по расписанию. Раз в три дня. В случайное время.

Я сидела за столом, перебирая содержимое аптечки, которую собрала впопыхах. Пузырьки валерьянки, активированный уголь, пластыри от мозолей и упаковка тампонов. Суро-

вый набор для жизни вне цивилизации.

— А еда? — спросила я, стараясь сосредоточиться на инвентаризации. — Тушенка имеет свойство заканчиваться. Бабушка Зина дала нам грибов, но я не уверена, что хочу проверять свой желудок на прочность вашей местной поганкой.

Егор выпрямился, упер руки в бока и окинул взглядом комнату. Хозяин положения. Дикий кот, временно поселившийся в домашнем интерьере.

— У нас есть озеро, Мариш. И лес. Завтра пойдем знакомиться с территорией. Удочки хватит, чтобы прокормить нас двоих рыбой. Главное правило тайги знаешь?

— Не оставлять еду в палатке? — предположила я.

— Главное правило — не спорить с тем, кто умеет разводить огонь без спичек и отличать север по мху, пока ты ищешь розетку для фена. Так что завтра ты слушаешься меня беспрекословно. Оденешься потеплее. Обувь зашнуруешь плотно. И никаких истерик по поводу отсутствия дезодоранта.

Он сказал это с легкой усмешкой, но глаза смотрели серьезно. Проверка границ. Он ждал, взбунтуюсь ли я. Схлопнусь ли обратно в свою корпоративную раковину при первом же столкновении с реальностью, где запах пота — это просто запах работающего тела, а не повод для увольнения.

Я посмотрела на свои руки. Под ногтями уже скопилась грязь после возни с печью. Маникюр можно было считать

аннулированным.

— Фен мне выдадут вместе с пайком? — сухо поинтересовалась я, вставая из-за стола. — Или нужно пройти квест у бабы Зины?

Уголок его губ дернулся вверх. Кажется, мой экзамен был сдан.

Вечером электричество давал генератор. Его тарахтение разрывало таежную тишину, казавшуюся почти осязаемой. Мы заряжали пауэрбанки и единственный старый кнопочный телефон Егора. Мой айфон лежал мертвым грузом на столе — бесполезный кусок стекла и металла стоимостью в две моих месячных зарплаты.

Мы устроились на крыльце под навесом. Над головой висел такой плотный купол звезд, какого никогда не увидишь над Петербургом. Там звезды воровал свет фонарей и реклам, здесь они были хозяевами неба. Холод кусал щеки, но уходить внутрь не хотелось.

Егор сидел на ступеньку ниже меня. Закурил свою единственную папиросу. Дым поднимался сизой струйкой в темноту.

— Знаешь, что самое страшное в бегах? — спросил он вдруг, глядя куда-то поверх верхушек сосен. — Не страх, что тебя найдут. К нему привыкаешь, он становится фоном, как шум холодильника. Самое страшное — это забыть вкус

обычной еды. Я год ел растворимую лапшу и думал, что паста болоньезе мне приснилась. Что никакого вкуса, кроме соли и глутамата, не существует.

Я молчала. Люди моего круга редко говорят о настоящем голоде. Они говорят о детоксе.

— А потом я попробовал хлеб, — продолжил он тише. — Обычный черный хлеб из деревенской пекарни. Кислый, влажный, тяжелый. И заплакал прямо в магазине. Потому что понял: настоящий мир все еще существует. Пока люди пекут этот хлеб, их система всеильна.

Он затушил папиросу о подошву ботинка и бросил ее в пустую консервную банку. Протянул руку и взял мою ладонь. На этот раз не было никакой драмы, никаких признаний. Просто тепло. Две замерзшие руки ищут друг друга в темноте карельской ночи.

— Спасибо, что привезла меня сюда, — сказал он, поглаживая большим пальцем костяшки моих пальцев. — Даже если твой Шницель сейчас ест мои итальянские туфли.

— Шницель слишком ленив для итальянской обуви, — улыбнулась я, хотя в горле стоял ком. — Он предпочитает картон. И твою рубашку. Ту, белую, которая стояла как подержанный автомобиль. Ты оставил ее на стуле.

Егор тихо рассмеялся.

— Пусть подавится воротником. Она была символом того человека, которым я притворялся. Рубашка успешного парня. Под ней всегда прятался тот самый мальчишка, который

угнал отцовскую лодку, чтобы поката́ть тебя ночью по заливу. Помнишь?

Как я могла это забыть? Страх, соленый ветер, брызги ледяной воды в лицо и ощущение абсолютного, пьянящего всемогущества. Мы чуть не разбились тогда о камни. Мотор заглох, волны били в борта, а он смеялся, пытаясь завести холодный двигатель заледеневшими пальцами.

— Ты орал матом так, что чайки падали замертво, — ответила я.

— Зато ты перестала плакать, — парировал он. — Сказала, что если мы утонем, то пусть это будет под хорошую музыку. И включила радио на полную громкость. Попсу какую-то.

— Это был самый модный трек.

— Из-за тебя нас забрал пограничный катер. Мне было девятнадцать, и я впервые почувствовал себя настоящим мужиком, потому что смог заплатить штраф на месте, не прося денег у отца.

Он придвинулся ближе. Теперь наши плечи касались. Тепло его тела пробивалось сквозь ткань моей кофты, растекаясь по спине обжигающей волной.

— Та ночь на камнях... — прошептал он мне в волосы. — Я тогда решил, что сделаю всё, чтобы тебе больше никогда не пришлось бояться ветра и холода. Куплю самую теплую квартиру, найду самую стабильную работу. А в итоге сбежал, оставив тебе записку, потому что испугался своей собствен-

ной тени.

Его голос дрогнул. Вся броня богатого IT-директора, сварщика и выживальщика треснула, обнажая ту самую зияющую вину двенадцатилетней давности.

Я повернулась к нему. В лунном свете шрам на его подбородке казался белой молнией. Я подняла свободную руку и коснулась этого шрама кончиками пальцев. Шершавый, неровный.

— Это откуда? — спросила я.

— Нет, — он перехватил мою руку и прижался к ней губами. Поцелуй пришелся прямо в центр ладони, посылая искры тока до самого локтя. — Это позже. Напоминание о том, что убегать вечно невозможно. Рано или поздно приходится поворачиваться лицом к тому, что догоняет.

Наши губы встретились. Это не было похоже на поцелуи из кино. Никакой прелюдии, никакой музыки. Только отчаянная жажда двух людей, которые потерялись во времени и наконец нашли точку соприкосновения. Его рот был горячим, требовательным, со вкусом дешевого чая, дыма и чего-то неуловимо своего.

Мир сузился до этого крыльца, скрипа старых досок под нами и биения пульса в моих висках. Я отвечала ему с той же жадностью, с которой утопающий хватается за брошенный канат. Мои пальцы зарылись в его густые волосы, ощущая под ними тонкий операционный шрам — след какой-то травмы, о которой он промолчал.

Когда мы оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Воздух вокруг звенел от напряжения.

— Нам нужно зайти в дом, — хрипло сказал он. — Иначе через пять минут мы окажемся на этом крыльце голыми, а лечиться от простуды подорожником я не умею. Моя аптечка рассчитана на пулевые ранения, а не на воспаление легких.

Я кивнула, ноги плохо слушались. Мы вошли в темные сени. Внутри пахло остывающей печью и яблоками.

— Где я сплю? — спросила я, остановившись посреди комнаты. Свет единственной свечи отбрасывал огромные, причудливые тени на стены.

Егор подошел к кровати за печной перегородкой. Провел рукой по старому, изъеденному временем деревянному изголовью.

— Традиции гостеприимства требуют уступить даме лучшее место, — произнес он, и в его глазах плясали озорные, опасные огоньки. — Но техника безопасности требует, чтобы между двумя источниками тепла оставалось расстояние минимум в полметра во избежание самовозгорания. Диван узкий. Бревенчатые стены жесткие. Остается только один вариант.

Мое сердце пропустило удар.

— Какой?

Он медленно улыбнулся, подошел ко мне вплотную и поднял на руки. Легко, словно я ничего не весила.

— Печка, — выдохнул он мне в губы. — Самое теплое

место в доме. Старые традиции предписывают спать на лежанке. Говорят, все болезни уходят. Проверим?

И прежде чем я успела придумать аргумент про нарушение субординации и разницу в наших статусах беглеца и спасителя, он опустил меня на широкую, прогретую кирпичную поверхность русской печи.

Глава 5

Кирпич обжигал даже сквозь плотные джинсы. Я инстинктивно попыталась отползти назад, упершись ладонями в горячее дерево изголовья, но Егор шагнул следом, мгновенно сократив дистанцию. В полумраке единственной свечи его лицо казалось высеченным из камня — резкие тени скул, напряженная линия челюсти и глаза, которые больше не смеялись. В них плескалось что-то темное, густое и абсолютно серьезное.

— Ты сбегашь? — тихо спросил он. Голос вибрировал на низких частотах, заставляя воздух в комнате потрескивать статикой. — От меня или от себя?

— Это нарушение техники безопасности, — выдохнула я, чувствуя, как предательски дрожит голос. — И субординации. У нас есть беглец федерального масштаба и менеджер по закупкам. Между нами должен быть акт приема-передачи материальных ценностей, а не... это.

Я неопределенно махнула рукой между нашими лицами. Он перехватил мое запястье. Его пальцы были стальными кольцами, горячими и неумолимыми.

— Акт подписан кровью двенадцать лет назад, Мариш, — сказал он, наклоняясь ниже. Теперь наши губы разделяли считанные сантиметры. — Остались только штрафные санк-

ции за просрочку исполнения обязательств.

Он прижался лбом к моему. Закрыв глаза. Я видела каждую ресницу, отбрасывающую тень на его скулы. Дыхание смешивалось. Запах дыма, мужского тела и чего-то первобытного ударял в голову сильнее любого вина. Мой хваленый контроль, мои цветные стикеры, мой план-график рассыпались в прах. Городская броня плавилась прямо здесь, на бабушкиной печи.

— Скажи «нет», — прошептал он, почти касаясь моих губ своими. — Просто скажи слово. Я уйду спать на этот чертов узкий диван, скрип которого сводит меня с ума. Утром мы сделаем вид, что ничего не было. Будем чинить генератор и ругаться. Только скажи.

Это был ультиматум. Самый честный выбор в моей жизни. Безопасность против безумия. Выживание против желания жить.

Я могла бы оттолкнуть его. Могла бы вспомнить про бандитов, про черный джип, который может появиться на проселочной дороге, про то, что влюбляться в человека без прошлого — самая идиотская инвестиция года. Но вместо этого я подняла руку и коснулась пальцами его колючей щеки.

— Диван действительно узкий, — сказала я.

И закрыла оставшееся расстояние поцелуем.

На этот раз в нем не было ни капли нежности первых минут. Это была жадность двух людей, умирающих от жажды у одного колодца. Его руки легли мне на талию, жестко, власт-

но притягивая ближе, усаживая меня на край горячего кирпичного уступа. Мои ноги тут же обвили его бедра. Ткань наших джинсов казалась невыносимым препятствием.

Мир сузился до скрипа старых пружин дивана где-то там, за печной перегородкой, до гула ветра в трубе и биения пульса под моими пальцами. Он целовал меня так, словно пытался запомнить вкус, впитаться им под кожу, чтобы хватило на следующие двенадцать лет скитаний. Я отвечала ему с такой же животной страстью, запустив пальцы в его волосы, ощущая жесткий затылок.

Его ладони скользнули вверх по моей спине, задирая хлопковую футболку, обнажая кожу. Холодный ночной воздух кухни лизнул поясницу, контрастируя с жаром печи и огнем его прикосновений. Поцелуй стал глубже, требовательнее. Язык сплетался с языком в древнем, как мир, танце.

— Тише, — выдохнул он мне в рот, когда я невольно застонала от острого удовольствия. — Дом старый. Соседи близко.

— Плевать, — простонала я, зарываясь лицом в изгиб его шеи. Впиваясь зубами в солоноватую кожу просто потому, что иначе сердце выпрыгнуло бы через горло. — Пусть смотрят. Мне надоело бояться.

Эта фраза стала спусковым крючком. Страх, копившийся во мне годами — страх одиночества, страх неудачи, страх довериться снова — наконец прорвало дамбу.

Егор подхватил меня на руки. На секунду оторвав от раскаленного кирпича, он сделал два шага в сторону и опустил меня на тот самый широкий деревянный стол, который еще вчера служил нам плацдармом для консервных банок. Банка меда покатилась по столешнице, чудом не перевернувшись.

— Стол переговоров открыт, Орлова, — хрипло усмехнулся он, вклиниваясь коленями между моих ног. — Протоколируй: пункт первый — претензий к качеству сервиса нет.

— Заткнись, — выдохнула я, стаскивая с него свитер. Ткань трещала по швам, но сопротивляться напору моего отчаяния она не могла. Под свитером оказалась простая черная футболка, которая полетела на пол следом.

Моя кофта последовала за ней. Ледяной сквозняк из щели в раме мазнул по голым плечам, покрывая кожу мурашками, но они тут же испарились от жара его ладоней, накрывших мою грудь.

Мы двигались рвано, лихорадочно, пытаясь сократить расстояние между кожей и кожей. Звук расстегиваемой молнии прозвучал в тишине дома как выстрел. Его дыхание сорвалось, когда он почувствовал меня под собой — настоящую, живую, вынырнувшую из ледяного кокона десятилетней спячки.

— Посмотри на меня, — приказал он внезапно, замерев.

Я открыла затуманенные глаза. Свеча на столе догорела почти до основания, фитиль плевался искрами, бросая золотистые отсветы на его обнаженную грудь.

— Смотри, — повторил он тише, почти умоляюще. — Чтобы потом, если ты решишь вернуться в свой офис, ты помнила, что это было по-настоящему. Что я настоящий.

— Я помню тебя настоящим уже двенадцать лет, дурак, — прошептала я, обхватывая его лицо руками и притягивая к себе. — Просто тогда я была слишком маленькой, чтобы удержать.

Дальнейшие слова утонули в новом поцелуе. Остатки одежды перестали существовать. Был только запах старого дерева, треск дров в остывающей печи и ритм, который задавали два сердца, пытающиеся биться в унисон.

Когда волна схлынула, оставив после себя звенящую пустоту и сладкую дрожь в мышцах, мы долго лежали на жестких досках стола, тяжело дыша. Моя голова покоилась на его плече. Сквозь единственное маленькое окно кухни светила огромная, равнодушная луна.

— Стол твердый, — констатировала я, проводя пальцем по его ключице.

Егор фыркнул, целуя меня в макушку.

— Зато амортизация отличная. Ни одна половица не скрипнула. Служба безопасности одобрила бы.

Тишину нарушило тихое, настойчивое «мя-я-ау». Прямо под столом. А затем звук когтей, царапающих дерево.

Шницель.

Я дернулась, пытаясь сесть и одновременно натянуть на

себя хоть что-нибудь. Образ руководителя отдела закупок, занимающейся любовью на кухонной мебели при свечах, никак не вязался с появлением свидетеля.

— О господи, кот! — паника вернулась быстрее, чем пульс пришел в норму. — Он всё видел! Теперь придется его ликвидировать. Или платить алименты.

Егор расхохотался. Громко, заливисто, запрокинув голову. Смех эхом отразился от бревенчатых стен, вымывая остатки напряжения. Он поймал мою руку и переплел наши пальцы.

— Расслабься, логистик. Шницель глух, слеп и ленив. Открой банку тушенки, герой-любовник. Покачиваясь от слабости в ногах, я слезла со стола. Подобрала свою одежду. Футболка была надета наизнанку. Джинсы отказывались застегиваться.

Я посмотрела на Егора. Он лежал, подложив руки под голову, совершенно обнаженный, прекрасный и смертельно опасный. Хозяин положения. Человек, ради которого я разрушила всю свою жизнь, даже не заметив момента падения первого кирпичика.

— Что дальше, Егор? — спросила я тихо, завязывая растрепанные волосы в небрежный узел. — Когда кончится тушенка?

Он перестал улыбаться. Сел, спустив ноги на пол. В лунном свете его тело выглядело картой чужих земель — сплошь линии силы, старые шрамы и свежие мозоли от то-

пора. Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, от которого стало зябко.

— Дальше будет зима, — ответил он серьезно. — Потом весна. Если те люди найдут этот дом раньше, чем сойдет снег, мы побежим дальше. А если нет...

Он не закончил. Да и не нужно было. Мы оба знали цену этому «если».

Но сейчас, глядя на рыжего кота, который терся о мои ноги, требуя законный ужин, я впервые за много лет почувствовала почву под ногами. Она пахла сырой землей, дымом и мужчиной, который выбрал остаться. Моим человеком из прошлого, который наконец-то позволил мне иметь будущее.

— Ладно, — вздохнула я, открывая консервы ножом ежедневного дежурного. — Но завтра твоя очередь мыть посуду. Даже беглецы федерального масштаба должны нести социальную ответственность.

Глава 6

Утро пахнет грехом.

Я просыпаюсь не от будильника, а от того, что луч солнца бьет прямо в глаза сквозь мутное стекло веранды. Мои щеки горят, но не от жара печи. От стыда. И от счастья. Счастье — это тоже своего рода лихорадка, оно пульсирует под кожей, заставляя вспоминать каждую секунду прошлой ночи: скрип старого стола, вкус соли на его шее, то, как он шептал мое имя, когда мир рассыпался на атомы.

Мое тело помнит всё. Помнит тяжесть его рук, твердость кирпичного уступа, к которому прижималась поясница, и ту первобытную дрожь, которая до сих пор живет где-то в кончиках пальцев. Я лежу на узком диване в гостиной. Одежда сползло, открывая плечо. За печной перегородкой тихо. Слышно только мерное дыхание Егора с кухни. Он так и остался спать там, на своем посту у потухшего очага, завернувшись в старый тулуп. Рыцарь на страже моего сна. Или тюремщик моей совести?

Вчерашний день кажется сном. Баба Зина, канистра с водой, поцелуй на крыльце... А потом этот взрыв на столе. Это было неправильно. Мы знакомы три дня. Один из нас — беглец, за голову которого наверняка назначена цена. Другая — женщина, чья психика держится на графике полива фикуса. Между нами пропасть в двенадцать лет, заполненная моими

слезами в подушку и его шрамами от чужих ножей.

Но почему же тогда мне так спокойно? Почему запах дыма от его одежды, висящей на стуле, кажется мне самым родным парфюмом на свете?

— Хватит гипнотизировать мой затылок рентгеновским взглядом, — голос Егора раздается совсем рядом. Оказывается, он уже встал. Стоит в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку. На нем только потертые джинсы, застегнутые явно впопыхах, на одну пуговицу. Торс обнажен, плечи покрыты утренней испариной после сна у теплой печи. В волосах запуталась древесная труха.

Он выглядит абсолютно диким. Нецивилизованным. Моим.

— У меня нет рентгеновского взгляда, — огрызаюсь я, натягивая одеяло до подбородка, хотя он видел меня вчера во всех возможных ракурсах. Лицемерие чистой воды. — У меня взгляд аудитора. Оцениваю риски амортизации кухонной мебели.

Егор усмехается уголком губ. Эта кривая ухмылка по-прежнему лишает меня способности дышать. Он отталкивается от косяка и делает шаг в комнату. Солнечный свет падает ему на спину, очерчивая рельеф мышц золотым контуром. Каждый его шаг по разошедшимся доскам звучит глухо и весомо.

— Амортизация прошла успешно, — говорит он, опускаясь на край дивана. Не вплотную, оставляя пространство, но

воздух между нами мгновенно сгущается. — Но ножки требуют смазки. Найдешь в сарае машинное масло?

— Сначала найду свою гордость, она куда-то закатилась под стол вместе с банкой тушенки, — бурчу я, садясь. Футболка съехала с плеча. Егор замечает это. Его зрачки расширяются, почти полностью поглощая радужку, делая глаза черными. Взгляд становится тяжелым, вязким.

Он медленно протягивает руку. Я замираю, ожидая прикосновения, как удара тока. Его пальцы касаются ключицы. Не сжимают, просто лежат тяжелой, горячей печатью. Проводят линию вверх, по изгибу шеи, задевая мочку уха. По телу пробегает судорога. Та самая, вчерашняя. Городская броня «Марина Орлова» дает трещину шириной с Гранд-Каньон.

— Гордость переоценена, — хрипло говорит он, наклоняясь ниже. Теперь наши лица разделяет лишь вдох. — Она плохо греет зимой. А вот ты...

Его губы накрывают мои. Это другой поцелуй. Не голодный, не отчаянный, как ночью. Медленный. Исследующий. Словно он заново изучает карту местности, которую успел захватить штурмом. Он пьет мое дыхание, лениво, со вкусом, прикусывая нижнюю губу, дразня языком. Моя рука сама взлетает и зарывается в его волосы на затылке. Короткие, жесткие, они царапают ладонь.

Я чувствую себя пьяной. Абсолютно, бесповоротно пья-

ной от одного мужчины. Мой внутренний менеджер по закупкам лежит в глубоком нокауте где-то в районе солнечного сплетения.

— Шницель смотрит, — выдыхаю я ему в рот, цепляясь за остатки здравого смысла, когда его ладонь ложится мне на бедро, притягивая ближе, заставляя оседлать его колени.

— Шницель благославляет наш союз, — бормочет Егор, прерываясь, чтобы поцеловать ямочку между моим плечом и шеей. — Он мудрый кот. Знает, что сытый мужчина — добрый мужчина. А завтрак сегодня готовишь не ты.

Он отстраняется ровно настолько, чтобы заглянуть мне в глаза. В них больше нет ни тени веселья. Только обнаженное, звенящее чувство собственника. Мужчины, который проснулся в одной постели с женщиной и понял, что теперь территория помечена.

— Доброе утро, Марина, — произносит он официально, но уголок рта предательски ползет вверх. — Как спалось на линии фронта?

— Спалось жарко, — признаюсь я, наконец позволяя себе улыбнуться. — Линия фронта отступила, но требует контрибуции. Например, горячего кофе. Растворимый считается военным преступлением.

Завтрак превращается в пытку медленного горения.

Егор выгнал меня из кухни, заявив, что моя тонкая пижамная футболка (старая, растянутая, с логотипом какой-то

IT-конференции) представляет угрозу технике безопасности при работе с раскаленной сковородой. Я села за стол, обхватив горячую кружку ладонями, и смотрела, как он готовит.

Это был балет насилия над продуктами. Никакой изящной кулинарии. Он двигался по тесному пространству с грацией хищника. Разбил яйца о край миски одним резким движением, порезал хлеб огромным охотничьим ножом так тонко, словно бумагу. Каждое его движение кричало об опасности, но для меня эта опасность была самой безопасной вещью в мире.

— Ты смотришь на меня так, будто решаешь, сдать меня Интерполу до оmlета или после, — заметил он, не оборачиваясь. Он стоял спиной ко мне, переворачивая яичницу. Джинсы сидели на нем низко, открывая полосу загорелой поясницы.

— Я думаю о том, сколько калорий мы сожгли этой ночью, — парировала я. — И хватит ли нам запасов меда бабы Зины, чтобы восполнить энергию. Твоя техника разбивания яиц пугает мою нежную офисную психику.

Он обернулся, опираясь бедром о столешницу. В руках лопатка, на лице — выражение абсолютного превосходства.

— Нежная офисная психика вчера чуть не проломила дубовый стол. Не прибедняйся, Орлова. Внутри тебя сидит очень темпераментная ведьма. Просто ей долго не давали дров для костра.

Слово «ведьма» ударило током. Бабушка всегда говорила, что женщины в нашем роду чувствуют лес. Тогда я смеялась. Сейчас, сидя босиком в доме посреди тайги, слушая мужчину, который пахнет дымом и мной, я готова поверить во что угодно.

Егор ставит передо мной тарелку. Два яйца, кусок черного хлеба. Простая еда. Но вилка в моих руках дрожит. Потому что он садится напротив. Слишком близко. Его колено касается моего под столом. Сквозь плотную ткань джинсов я чувствую жар его тела.

Мы едим молча. Это молчание густое, наполненное невысказанным сексом. Оно вибрирует между нами. Я поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом. Он не ест. Он просто смотрит, как я жую. Так волк смотрит на добычу, которая добровольно пришла в логово и решила остаться на десерт.

— Что? — спрашиваю я, чувствуя, как краска заливает шею.

— Думаю, — медленно отвечает он, отставляя вилку. — Насколько глубоко засела в тебя привычка подчиняться правилам.

Прежде чем я успеваю спросить, что он имеет в виду, Егор встает. Обходит стол. Берет меня за руку, поднимая со стула.

— Пойдем, — командует он. — Покажу тебе озеро.

Озеро открывается внезапно, сразу за полосой старых елей. Вода темная, свинцовая, сливающаяся с низким но-

ябрьским небом. Ни души. Только крик чайки и плеск волн о камни. Холодный ветер тут же забирается под мою тонкую футболку, покрывая кожу мурашками.

— Красиво, да? — Егор останавливается за моей спиной.

Я киваю, замороженная суровой, первобытной красотой. Здесь нет места глянцу. Здесь есть только правда.

— Холодно, — говорю я, обхватывая себя руками. Зубы начинают выбивать дробь.

— Теперь иди сюда, — говорит он негромко.

Он подводит меня к огромному плоскому валуну, нагретому редким солнцем. Помогает забраться наверх. Камень все еще хранит тепло внутри. Егор встает между моих раздвинутых колен.

Здесь, на ветру, среди карельских сосен, нет никакой игры. Нет шуток про логистику. Он берет мое лицо в свои ладони. Большие, шершавые, покрытые мелкими шрамами руки. Руки человека, который знает цену боли.

— Посмотри на меня, Мариш, — просит он. Голос срывается от ветра или от чего-то другого. — Я должен сказать кое-что важное.

Мое сердце пропускает удар. Вот оно. Начало конца. Сейчас он скажет, что использует меня. Что завтра мы расстанемся. Что банда уже дышит в затылок.

— Если те люди найдут нас... — начинает он, и я зажмуриваюсь, готовясь к удару.

— Не надо, — шепчу я, качая головой. — Пожалуйста.

Не сейчас.

— Дослушай! — он сжимает мои щеки чуть сильнее, заставляя открыть глаза. Его собственные блестят опасно, ярко. — Если они найдут нас, я буду убегать один. Я дам тебе снотворное, вывезу на трассу и посажу в первую попутку. Ты вернешься в свой город. К своей ипотеке. Ты забудешь меня через месяц, потому что твоя жизнь сделана из бетона, а я — из песка. Поняла? Это не обсуждается.

Я смотрю в его почерневшие от серьезности глаза. Он прогоняет меня. Прямо сейчас. Избавляется, чтобы спасти. Тот самый благородный идиот, который оставил меня двенадцать лет назад запиской на тумбочке.

Во мне что-то ломается. Тихий щелчок предохранителя. Страх уходит, остается только холодная, звенящая ярость.

— Песок? — переспрашиваю я очень тихо.

Моя рука, сжатая в кулак в кармане его огромной куртки, расслабляется. Я вытаскиваю ее и кладу ему на грудь. Прямо над сердцем. Чувствую его бешеный, рваный ритм.

— Ты сбежал от меня дважды, Егор, — говорю я, глядя ему в переносицу, потому что смотреть в глаза сил нет — утону. — Первый раз ради спасения. Второй раз — год назад, когда купил этот дом и мог просто написать. Но ты приехал сейчас. Третий раз не наступит.

Я встаю на цыпочках. Наши уровни выравниваются.

— Если они придут, — шепчу я прямо в его губы, касаясь их своим дыханием, — если черные джипы перекроют

эту дорогу, мы побежим вместе. Или ляжем здесь, на этом камне, и будем отстреливаться до последнего патрона. Но ты больше никогда. Не будешь. Решать. За меня.

И целую его.

На этот раз это не просьба. Это клеймение. Заявление прав собственности. Я глотаю его стон, впиваясь пальцами в его влажные от ветра волосы, запрокидывая его голову назад. Я отдаю ему всю свою панику, весь страх одиночества и всю любовь, которую законсервировала на десять ледяных лет.

Ветер свистит в верхушках сосен. Озеро бьет волнами о берег. А на горячем камне целуются два призрака, которые вдруг решили стать живыми.

Глава 7

Мы возвращаемся в дом только тогда, когда ветер начинает швырять в лицо колючую ледяную крупу. Осень на севере наступает внезапно — еще час назад небо было свинцово-серым, а сейчас оно затянулось темно-фиолетовой пленой, предвещающей первый настоящий снег.

В доме пахнет остывшим пеплом и тревогой. Мои слова там, на камне, повисли между нами тяжелым стальным тросом. Я ждала спора. Ждала, что он снова начнет давить своим мужским превосходством, отчитывать меня за романтизацию бандитских погонь. Но Егор молчал всю дорогу до крыльца. Только его ладонь на моей пояснице была раскаленной, словно я прижималась к печной заслонке.

— Генератор, — коротко бросает он, сбрасывая куртку мне на руки, и исчезает за дверью сарая.

Я остаюсь стоять в сенях. Куртка все еще хранит жар его тела. Внутри кармана я нащупываю что-то твердое, завернутое в мягкую фланель. Достая. Это армейский нож. Тяжелый, хищный, с зазубренным лезвием. На рукояти выжжена пятиконечная звезда.

«На случай, если твой график закупок пойдет не по плану», — всплывает в голове его вчерашний голос.

Значит, это был не блеф. Значит, черные джипы реальнее, чем моя ипотека.

Шницель трется о мои ноги, возмущенно мяукая. Он голоден, напуган сквозняком из открытой двери и глубоко оскорблен тем, что хозяйка променяла утреннюю порцию влажного корма на первобытные инстинкты.

— Тише, пушистое недоразумение, — шепчу я, наклоняясь, чтобы почесать его за ухом. — Сейчас будет громко.

Сарай встречает нас ревом двухтактного двигателя. Егор стоит на коленях перед железным коробом, рубашка туго облепила широкую спину, подчеркивая каждый мускул. Он возится с проводами, щурясь от дыма. Когда мотор наконец чихает и переходит в ровное, утробное урчание, лампочка под потолком кухни вспыхивает тусклым желтым светом. Двадцать первый век милостиво разрешил нам пользоваться холодильником.

Егор поднимается, вытирая перепачканные машинным маслом руки ветошью. Подходит ко мне вплотную. В тесной кухне становится невозможно дышать. Он нависает, опираясь ладонями о столешницу по обе стороны от моих бедер, запирая меня в клетке собственного тела.

— Ты сказала «мы побежим вместе», — говорит он тихо. Его глаза мечут молнии, но зрачки расширены так, что радужки почти не видно. — Ты хоть понимаешь, во что ты ввязываешься? Это не корпоративный выезд на тимбилдинг. Там нет HR-отдела, который разрулит конфликт. Если они возьмут тебя рядом со мной...

— Меня зовут Марина Орлова, — перебиваю я, глядя ему прямо в глаза снизу вверх. Мой голос звучит неожиданно твердо. — Я десять лет торговалась с людьми, которые пытались продать мне гнилые овощи по цене мраморной говядины. Я умею смотреть в пустоту и делать вид, что контролирую ситуацию, пока у меня трясутся колени. Я выживу, Егор. Вопрос лишь в том, позволишь ли *ты* мне быть рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.